

ВАЛЬТЕР
СЕРНЕР
МАНИФЕСТ
ДАДА
И
УГОЛОВНЫЕ
РАССКАЗЫ

МОСКВА • ГИЛЕЯ

2012

Real Hylaea

Вальтер Сернер

**Последняя расхлябанность.
Манифест дада и тридцать
три уголовных рассказа**

«Гилея»

1918-1921

Сернер В.

Последняя расхлябанность. Манифест дада и тридцать три уголовных рассказа / В. Сернер — «Гилея», 1918-1921 — (Real Nylaea)

ISBN 978-5-87987-068-8

Впервые на русском - сочинения нигилиста и дадаиста Вальтера Сернера (1889-1942), начинавшего в Швейцарии, продолжавшего в Германии и переехавшего в Прагу, где он был впоследствии арестован нацистами. Его манифест дада - один из основных документов движения. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-87987-068-8

© Сернер В., 1918-1921

© Гилея, 1918-1921

Содержание

Последняя расхлябанность. Манифест дада	8
I	8
II	11
III	14
IV	17
V	21
VI	25
У голубой обезьяны. Тридцать три уголовных рассказа	29
Мансардное	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вальтер Сернер
Последняя расхлябанность. Манифест
дада и тридцать три уголовных рассказа

*Издательство благодарит Европейскую коллегию переводчиков
(EÜK) и фонд Robert Bosch Stiftung за поддержку перевода этой книги*

© Татьяна Набатникова, перевод, 2012
© Книгоиздательство «Гилея», 2012

Доктор Вальтер Сернер. Цюрих, 1917. Рисунок Ханса Рихтера

Последняя расхлябанность. Манифест дада

I

1° Вокруг огненного шара носится ком нечистот, на котором продают дамские шёлковые чулки и ценят Гогенов. Поистине прискорбный аспект, который, правда, немного разнится: шёлковые чулки постижимы, Гогены – нет. (Только вообразить Бернгейма как авторитетного биолога.) Тысяча скучнейших предписаний мелко мозглых растафари, чьи эрегирующие буржуазные указующие персты преподносят нам литературные отделы газет (вот уж пастозные ссаки!), чтобы приманить денежные ручейки, учинили такое запустение, которое до некоторых дам не дошло и по сей день. (Три минуты на размышление о психозе плохо ухоженной оптики; клинический симптом, первичное: недооценка дамских шёлковых чулок; вторичное: затруднения пищеварения.)

2° Чем мог заняться первый мозг, угодивший на глобус? Наверное, удивлялся своему присутствию и недоумевал, что делать с собой и с грязью под ногами. Между тем, к мозгу привыкли и считают его таким пустяком, что даже не игнорируют, сделали из себя растафари (в самом низу: тёмный поляк; в самом верху: ну, разве что председатель судебной коллегии), а из столь не по чину любимой природы – кулисы для поистине неслабой пьесы. Этот несомненно не столь героический выход из всё ещё недооценённой дилеммы хоть и лишился привлекательности окончательно с тех пор, как стал наперёд обозрим (как же глупо личное дерзновение!), но именно поэтому оказался столь подходящим для известных процедур.

3° Даже машинисту паровоза хотя бы раз в году приходит в голову мысль, что его отношения с локомотивом отнюдь не принудительные и что о своей супруге он знает не намного больше, чем после той тёплой ночи в роще. (Назови я Ла Виллет или Терезин Луг, картина была бы слишком иллюзорной; подсказка для диссер-тёток: «О топографической анатомии, психической вентиляции и иже с ними».) В отеле «Ронсере» или на Пикадилли уже случается наоборот: становится чертовски непонятно, с чего это ты вдруг тарашись на собственную руку или насвистываешь трели, слышишь свои почёсывания и жуёшь слюни. Этому, казалось бы, столь мирному примеру ближе всего возможность того, что разъедающее чувство скуки подтянется до мысли об её причинах. Этот милый момент и организует головореза (ах, какой он душка!), который творит свои бесчинства как пророк, художник, анархист, государственный деятель и т. д., короче, как растафари.

4° Наполеон – как ни крути, и впрямь толковый малый – безответственным образом утверждал, что истинная профессия человека – пахать землю. Ну почему же? А плуг что, с неба упадёт? Однако *что-то* homo всё-таки привнёс, так и слышится мне голос дамы, страдающей от любовного недоедания. Ну, уж во всяком случае, не пахоту; и злаки, и плоды, в конце концов, были и до него, изначально. (Пожалуйста, пройдитесь по следам жатвы немецких биогенетов, узнайте, почему я не прав. Но это, однако, будет очень скучно. Поэтому я прав.) Итак, последняя новость: и Наполеон, который обычно с большой охотой являл безотказную неукротимость, местами являлся ковёрным. Жаль. Очень жаль.

5° Так как растафарично *всё*, мои дорогие, каждый (в большей или меньшей степени) – дутая фигура, слава богу. (Лишь между прочим: 10 сантимов тому смельчаку, который докажет мне, что есть хоть что-то, *не* привнесённое самовольно в качестве нормы!) Иначе бы начался, впрочем, эпидемический падёж. С диагнозом: чудовищная скука; или: паническое смирение; или: трансцендентальная неприязнь и т. д. (Можно, продолжая сколь угодно долго, пройти весь перечень бездарных состояний.) Поэтому соответствующий каждой местности личный состав населённой поверхности Земли – лишь логичный результат скуки, что стала нестерпи-

мой. Скука: это ещё самое безобидное слово. Пусть каждый для своей неполноценности подберёт себе вокабулу по вкусу! (Изрядный сюжет для азартной игры в фанты!)

6° Общеизвестно, что собака – не гамак; менее известно, что без этой робкой гипотезы у художника опускаются его испачканные краской руки; и вообще неизвестно, что междометия – точнее всего: мировоззрения – это смеси вокабул... Чёрт возьми, тут процедуру придётся немного расширить. (Маленький образ: лёгкое кускование головки плода!) Вот: все стилисты далеко не ослы. Ибо стиль – лишь жест смущения дичайшей структуры. И поскольку смущение (после того, как чуть-чуть переспишь с этой мыслью) на поверку оказывается великолепными поминками по самому себе, то заметно, что стилисты – из опасения, что их сочтут ослами – ведут себя намного хуже последних. (Поскольку ослы обладают двумя выдающимися качествами: они упрямы и ленивы.) Различие между Паулем Оскаром Хёккером, Достоевским, Цобельтицем и Ведекиндо брезжит поэтому лишь в умении держать себя внутри упомянутого жеста смущения. Брызжет ли человек образами в правильно функционирующем хоре или как-то ещё (все образы убедительные), или, так сказать, экспрессионистски мне нашёптывает, что ему было тошно, но стало лучше с тех пор, как он это изложил чёрным по белому, или что ему хоть и было хорошо (смотри, смотри!), но стало тошно с тех пор, как он перестал это понимать (трам-там-там!): это всегда всё та же подослиная натуга – желание вытянуть себя из смущения, ф о р м и р у я его (стилизуя, прости господи). Омерзительное слово «формируя»! Это значит: из жизни, неправдоподобной до кончиков ногтей, сделать нечто правдоподобное! Водрузить над этим хаосом из загадки и дерьма спасительное небо!! Облаговонить человеческий помёт!!! Премного благодарен... Есть ли более идиотический образ, чем (ух!) гениально стилизующая голова, которая при этом занятии сама с собой кокетничает? (Лишь между прочим: моё признание тому разумнику, кто мне докажет, что у отважных героев этоса кокетства не бывает!) О, довольно об этом развесёлом смущении, которое заканчивается низким поклоном самому себе! П о э т о м у (из-за этой стилизованной закавыки) романы и философии изошли потом, картины размазались, скульптуры измельчали, симфонии разохались, а религии стартовали! Какое неуёмное тщеславие, к тому же эти самовлюблённые ослиные глупости потерпели основательное (а особенно основательное в немецких краях) поражение!!! Всё – бесчинство!!!

7° Самый красивый ландшафт, какой я знаю, это кафе «Barratte» в Pariser Hallen. По двум причинам. Там я свёл знакомство со многим родственным, которое среди прочего нашёптывало мне: «C'est possible que je serais bonne, si je savais pourquoi». Злобно признаюсь: я бледнел от радости. И потом в этом приветливом кафе Жан Картопэ, который связывается только с господами без стоячих воротничков, резко перестал со мной общаться, потому что я по неосторожности обронил имя Пикассо.

8° Ах, милые сердцу фарфоровые белые тарелки! Ибо... Вот ведь: прежде хотелось передать посредством живописи то, что якобы не мог выразить словами, то есть то, чего у тебя вовсе не было. (Хо-хо! Как будто мог аккуратненько увековечить хоть вице-королеву, когда б не знал, что она – не кресло!) Давно и наперёд уже осмеяно, где были бы все эти пачкуны, если бы перестали фабрить писанные маслом фотографии. (Кстати, подсказка: побольше девушек, пожалуйста, побольше девушек!) Но впечатления! И вот: ч т о толку, если, проморгавшись, сможешь приспособиться к тому, что каждый едок картофеля усматривает только одну корову, но способен т а к надуться от важности, что это была е г о корова, совершенно о с о б е н н а я корова, короче: корова-избавительница? Трам-там-там! Но какова экспрессия! Ха-хо: ч т о толку, если, обалдев, видишь, на что способно прилагательное, но ведь и ему пока не удавалось что-то объяснить, то есть ещё не писалось, а уже не удалось? Но кубисты, футуристы! Опля: чемпионы этого прямо-таки ультрафиолетово-неудачного заезда кисти хоть и раструбили о себе, они (ух!) – освобождающе сорвутся с высоких качелей стиля. (Номер на трапеции! Номер на трапеции! Примерно так: «Уж это смущение мы раскачаем!») Они добились лишь того, что не только ни один шиньон не колыхнулся, но ещё и самые дикие ослы снискали успех

своей мерной поступью. (О заброшенный грязью Сагб! И т. д., и т. п.) Бесчинство! Бесчинство!! Бесчинство!!!

9° Параграф 8 в принципе обращён к недорослям: это азбучное, чрезвычайно азбучное. Но всё же пометьте себе на всякий случай вот ещё что, маленькие мои:

а) Скульптура: очень несподручная игрушка, заточенная метафизическим взглядом широко раскрытых глаз.

б) Музыка: замена пантопона или героина. (Даже доазбучно!)

в) Поэзия: мальчик попал в беду. Рецепт: спроси его, о которой он мечтает, и ты сможешь ему сказать, с которой он ещё не спал. (Само собой разумеется, в беде пребываешь п о с т о я н н о; но в настоящие-то тиски уже не зажат.)

г) Роман и всё такое: господа говорят, словно на шампур нанизанные, а с недавних пор и вообще не говорят. Ещё немного попотеть – и дело сладится: беллетристика! (Висеть в наколотом на шампур виде приходится часто. Но том, изданный Самюэлем Фишером, слишком замедленное средство для того, чтобы провести кратчайшую линию Сиракузы-бутерброд-центрального отопления.)

д) Драма, трагедия, комедия: беда заостряется, пронзает и возбуждает публику, вызывая в ней смутную догадку, что кинематограф, пожалуй, – всё же второе лакомство после флирта (за недостатком последнего).

Одним словом, маленькие мои: искусство – это детская болезнь.

10° и никогда никаких мыслей. В лучшем случае делайте мысль такой, будто она будто бы мысль. (Это я сам себя уговариваю!) Каждое слово – позор, кстати сказать. Выдуваешь всегда только фразы, похожие на эквилибристику циркача на канате (или вот тоже: постели, растения, пропасти). Выгодное предложение: перед тем, как заснуть, фигурируешь с отчётливостью психического конечного состояния самоубийцы, который хочет пулей вбить себе, наконец, чувство самоуверенности. Однако удаётся это лишь тогда, когда перед тем осрамишься. Тяжело осрамишься. Совершенно беспредельно осрамишься. Осрамишься так ужасно, что опозоренным окажется всё. Что каждый, метафорически, упадёт на задницу. И чихнёт.

11° Междометия точнее всего. (Ах, милые фарфоровые белые тарелки!)... Нужно привести в чувство этих земноводных, которые считают, что они слишком хороши для того, чтобы быть ослами. Изгнав из них рассудок. Хлыстом выбив! Нужно сокрушить в клочья эту жуткую открыточную голубизну преувеличенного масштаба, в которой эти тёмные растафари заврались до ну... до на... до но... (как-как?) до небес. Нужно собственную голову осторожно, но уверенно окунуть в голову соседа, как в тухлое яйцо (хорошо, хорошо). Нужно совершенно неопишное, то, что совершенно произносимо, проорать так нестерпимо близко, что ни одна собака больше не захочет жить и дальше так же умненько, а захочет намного глупее. Чтобы все потеряли рассудок и вновь обрели свою голову. Нужно все эти проценты, библейские высказывания, девичьи груди, пироги, Гогенов, сопливые носовые платки, шнапсы, чулочные подвязки, клозетные крышки, жилетки, клопов – все эти предметы, о которых они одновременно думают, делают и перебирают, так резко сунуть им под нос, чтоб им, наконец, стало так хорошо, как до сих пор было только муторно. Нужно. Вот именно, что нужно. Трам-там-там!

12° Шёлковым дамским чулкам цены нет. Вице-королева – это кресло. Мироззрения – это смеси вокабул. Собака – это гамак. L'art est mort. Да здравствует Дада!

II

13° Это недопустимо – болтать о тирании... А на что вообще нужна свобода (если вдруг), а? Всякая революция была возмущением и тоской по более возлюбленному кулаку (эромазохизм). Число тех, кто, едва достигнув совершеннолетия, ниспровергает всякий авторитет, настолько же крохотно, насколько слишком недостаточно число деспотов (эро-садизм). Ещё никогда не бывало никакой революции. Одни бунтовщики. Растафари. 1789 год – исторически самый истязательский. Компактное большинство голодных желудков каркало перед Версальским дворцом и однажды в разброде шумных улиц лишилось своих голов. И это революция, хе? Истерическая потасовка органически ущербных. Свобода? Какое-никакое маленькое благосостояние, какая-никакая профессийка, защищённость от затрещин да бабёнка с урезанным на три четверти сексуальным рационом, рядом с которой можно жить себе да поживать в качестве фабричного служивого (солдата) и едока плохой еды. Помпезно!.. Поскольку это сплошное давление сверху не прекращается, благодушное знание, что ничего лучшего и желать не надо, это – всё; но и – в с ё в порядке... Нет, действительно так больше дело не пойдёт – заливать соловьём о тирании...

14° Лучшие мятежники, конечно, провели кое-какие насильственные изменения. Но где она (ха!) – сила? Где великое? (О Софокл, угрюмый торговец яйцами!)... Свобода! Моё суверенное бытие? Напротив: оно крайне пассивно, зажато со всех сторон. Великая нервная дрожь Дада!!! (Но очень приятная...) Постоянно заключаешь в скобки в с ё (включая и пассажирский состав, и состав преступления): опять же и в ближайших заблуждениях можно так увязнуть и накрыться, что этой заключённой в скобки величиной даже фиктивно не попользуешься. Масштаб, умеренные вы мои! Шлюпки вы свободы воли!! Церебральные вы прыгуны!!!!.. Между родовыми щипцами (кляц!) и летальным исходом только подпрыгиваешь с тем, что есть, – где прытко, где угрюмо; подпрыгиваешь (да, да) – духовное воспитание, сексуальное просвещение (а как насчёт сексуального просвещения взрослых, а?) и подобные дурацкие нелепости; и подпрыгиваешь также (ох, нет!) – свобода, свобода воли... Шуты гороховые в скобках!!!

15° Эти продувные мерзавцы, каковыми являются закрытые личности, тяжело трудящиеся преуспевали и т. д., продуют, даже если приведут это к тупейшей однобокости, в лучшем случае дырочку (самый ходовой поставщик мерзавцев) в каком-нибудь ряду (обратный клапан у смесителя пива), которая тут же снова и заполнится, поскольку другие, духачи, которые столь споры и многосторонни, что все толкаются по ветру («Протрубите, трубы, славу Бухаресту!»), находятся в многократном численном превосходстве. И это радует. Привлекательные это головы или отталкивающие? Носы, которые они носят, отталкивают или привлекают. Порой не сыщешь более идиотического оптимиста, чем ри... ра... революционер (что ни тип, то выжига!). Голгофа была детской игрой по сравнению с тем позором, который тут недавно так исказил лицо Средней Европы... Опыт? Длинный нос, которым тебя постоянно дразнят, так что начинаешь подумывать, не сделать ли длинный нос самому себе для удовольствия. Во всяком случае, смотри, бес-кров-ный юнец, вот та лёгкая ухмылка, которая в состоянии просеивать в своём ближайшем окружении персоны (даже Густла Пуфке; и, естественно, Леонарда Франка), имевшие успех (состоявшееся вождение за нос).

16° Входите же, господа! Входите же! То, чего вы ещё никогда не видели, вы, правда, и здесь не увидите, но зато увидите паноптикум, который того стоит. Он – стоит того! Халло: ... Вот один, который оборотливостью (с положительной реакцией на смехотворность) самого скорбного использовал в качестве стимула, встаёт и прорицает божественную систему тем, что мозг, держащийся на привязи внушений, он ловит в петлю совершенно недоказуемого принципиального утверждения (аксиомы, идеи, заявления априори и т. д., и пр. бесчинство), чтобы заставить умолкнуть отчаянную муку собственной скуки. Это щекочет, вообще доставляет удо-

вольствие и настолько посрамляет публику, что сам себе кажешься ах каким... Другой творит толстую книгу о последних (бум!) – вопросах и преподносит с неподражаемым челом (сразу хватаешься за чресла) – решения, м-да... А тот злится на это, свирепеет (как будто неразрешимость легче, чем позорная ситуация) и становится пропагандистом злобных действий: по крайней мере, забавный тип мыслительного фиаско; он применяет бессмысленно-реальное бессмысленно-реально (ау, анархист Равахоль!)... Ещё один сочиняет стихи или музицирует и т. д. и пр. бесчинства и хочет, чтобы мучительным по́том его постыднейших ситуаций любовались как раз-бавлением, а то и вовсе из-бавлением. Долой!.. Ещё один, наконец, курсирует на поездах по континенту, он, смотря по надобности, взломщик или граф, спекулянт или дипломат, азартный игрок или брачный аферист, сводник или советник правительства, поскольку сама эта многосторонняя деятельность удовлетворяет его совершенно непомерную потребность в разнообразии (мошенник Манолеску, Чарльз де Хофманн, je vous salue!). Если он очень одарён, то станет государственным деятелем и посадит вора в тюрьму, и обезглавит убийцу, поскольку нельзя же спорадически разрешать то, на чём зиждется всё надувательство в массе своей. Но однажды, обладая властью, он мигом возведёт её в аксиому, а через несколько минут и сам поверит в неё, поскольку это так занятно – организовать её под предлогом наказания насилия, потреблённого в порядке бегства от скуки. Он поставит бывших коллег, которых он теперь велит пристроить, если видит, что они остались без места, на должности рассыльных; выжмет всё (мужайтесь!) из того художника в букварь, в который он хоть и сам вложил, но в котором нежно-оглуплённое любого хорошего (ура!) стихотворения (плохие лучше) проявится не так заметно, хотя вся история теперь ещё и обретает свою цель; и полностью препарирует головы в разгоняющий скуку позитивизм тем, что он – цццерковь похлопает по плечу, если она Иисуса, который иначе будет разбит как архи-иезуит, развернёт к катехизису (союз рулевых)... И вот результат: вонь приходит в мир и становится всё гуще. Само собой разумеющееся (которое совсем не разумеется само собой) перестаёт им быть. Не разумеющееся само собой (приведённое в движение само собой разумеющееся) становится долгом. (Который: сумма наглостей, которые умудряется позволить себе каждый хулиган!) Однако этот неизгоняемый призрак скуки круто взвивается белым надо всем и ловит себе, наконец, короткой хваткой всю банду: государственный деятель звонит в колокольчик, занавес поднимается...

17° Война! C'est la guerre! Входите же, господа! Входите!.. Люди бегут сломя голову, в ужасе, в испуге, в растерянности. За что держаться? Где опора? Цель? Смысл? Они как раз не знают, славные люди, для чего они, собственно, здесь, что было и что будет, и даже то допустимое соображение, что они служат приватным действиям некоего высшего мошенника, ничего не может в этом изменить; не может также изменить и знание о том, что режиссёры их гибели на поле битвы лишь инсценируют эту пьесу, поскольку и они скучают. Большинство станет стрелять не потому, что они не прозревают постановочность, а потому, что они используют её как (хо-хо!) – сенсацию... К тому же поставлено хорошо. Журналы кричат ура и говорят по телефону с министрами по поводу мотивировочной фразеологии. Возносится музыка, и в ней тонет всякая возможность перемен. Великолепные речи подвергаются расчёту, получают историческую огранку и окропляют уже пьяные массы, уже объявлена через газету торжественная месса, и милосердный Бог лично постарается протезировать битвы. И тотчас, после этой прекрасно задуманной рекламы, взорвутся первые гранаты. Парень в ложе получает свой спектакль, население получает кровавое времяпрепровождение и ядрёную смерть, она же, единственная, кто поистине успешен, делает книксен перед скукой, которая вновь неотвратимо овладевает после первого акта зрителями и актёрами... Стоп: теперь ваша очередь (о, о, о) – стать ри... ра... республиканцем, чтобы повкалывать как следует на индустриальных и прочих растафари. Если же вы всё это провидели и, наконец, получили себя в полное своё распоряжение, то вы встали, значит, перед выбором между ужасающей скукой и... (Я набрасываю концепцию жёлтой гвардии последнего гнева...)

18° Столь излюбленное различие между культурой и цивилизацией разбивается в этой милой перспективе о размеры потребности одурманить себя (насвистывать)... О, как надоели так называемые побуждения к мысли! Не более, чем столь безмерно увеличенные эксцессы скуки, что кто-то будет в состоянии вообразить себе, что он не скучает. В действительности же скучаешь в такие часы судорожнее всего. Я считаю весьма правдоподобным, что все (on m'excuse) гении мировой истории признавались себе в этом, но из осторожности умалчивали. Никто ещё не был в состоянии отказаться от этой омерзительной ментальной резервации. Причина, конечно, столь же достоверна, сколь и плачевна: даже кучер не станет любоваться человеком, который отрицает величие своих мыслей, признаваясь, что они – лишь судорожные состояния. Неужели не надоела за столь долгие годы эта дурацкая полировка помочей тщеславия, неужели не стала настолько непереносимо скучной, что?.. Можно подумать, их многолетнее натужное вещание перед какой-нибудь мадам более потребно, чем честная капитуляция перед самим собой (снизу, поверьте мне, круче подъём)... Какое примитивное мошенничество! Все они умирали с тайной оговоркой о своём величии (тьфу-тьфу!) на губах, сложенных для последнего слова. И Вольтер, и Монтень. Тьфу-тьфу, чёрт!.. (Не надо прочитывать ни Канта, ни Ницше: хватит одной фразы, чтобы затошнило...)

19° Нет, это не правдоподобно. Эти жалкие типы не признались себе в этом. Стоит действительно, хотя бы раз, пережить эту жуткую безысходность по поводу (избави меня!) великой мысли, эту запредельную скуку, которая исходит от неё, и по-другому потом уже не сможешь: будешь избавляться от своих конвульсий, слепо отбиваясь, попадая и в себя...

20° хвалю азиата. Он живёт для ничего и ради ничего; в крайнем случае, для своего приятного безделья, которое есть лишь простое выражение отрадного намерения не замечать себя. Выдающийся лентяй! (Европеец иногда живёт ради богатого Тускула, в котором он потом и пребывает благополучно, то есть очень скучно.) Поэтому у азиатов и нет никакого иски... иска... искусства и никакого беспокойного разбойника GmbH, который в деловых письмах цитирует классиков (притеснитель веры). Однажды в маленьком женевском кафе я видел одного индуса, который просидел весь вечер, неподвижно глядя перед собой. Это было так, как будто он спал с открытыми глазами (хорошо, хорошо)... Насколько отвратительны с такой позиции пьяные амбиции духовных охранителей быть хорошими европейцами. Глобальные глупни! Гольтьба!!

21° Только вот, пожалуйста, не надо этого осведомлённого хлупанья ресницами! Не надо воодушевлённого покусывания губ! Всякий энтузиазм щекотлив: постыдное признание, что сам-то ты не можешь сделать это лучше, а так же ничего не знаешь. Поэтому связные основания (а также бессвязные, которые всё же взаимосвязаны) не должны оказывать оживляющего действия на изошрённый слух... По нынешним временам, из многих путей, ни к чему не ведущих, всё-таки самые приятные те, по которым – при тошнотворном их вторжении – ты так раскованно слоняешься без дела, что становишься особенно любопытным. Нетвёрдой поступью идёшь к ним, меняешь ради них свой так и так безразличный ход мыслей и находишь если и не метафизический об стенку горох, то хотя бы – красивые бёдра... Дерьмо, засохшие сопли в вашем носу, шуты вы гороховые!.. (Понятное дело, я надеюсь, что эта мысленная бахрама, которая размещается на самых никудышных частях тела ниже пояса, будет услышана. Без публики самые отменные ругательства не доставляют ни малейшего удовольствия...)

22° Бёдра – превосходны. Войны – самые тяжёлые провалы. Свобода – это луна-парк. Мирное время – катастрофа.

III

23° Типичная черта всего буржуазного сброда: своими подозрениями лишать величия опасность, которая грозит его уверенности в себе со стороны других. Минимальная форма выражения: кто горд, заносчив, нагл, тот, якобы... (читай: открыто уверенный в себе!); максимальная форма выражения: кто скромн, покорен и робок, тот... (читай: скрыто самоуверен!)... Милая, милая Мар!.. В обоих случаях: они всегда против уверенности в себе, поскольку лишь так они могут убедить себя, что могут считать особой честью неправомерие этого качества в себе. Для этой цели вол подозревает. Вол! Да если бы он умел подозревать действительно изящно: разве бы у него не отросли заново яйца? (Куда бы они делись!)... Природная стихия: вообще не существует никакой уверенности в себе. Настоящее: не иметь никакой уверенности в себе. Трагедия *par excellence* (о-ля-ля) – гротеск... О, если бы я был способен хоть раз в продолжение каких-нибудь трёх четвертей часа реагировать на вещи как сакс! Я захотел бы в благодарность (нуну) – стать психологом и вместе со стервятниками ковыряться в падали... Короче: нужно раз и навсегда перестать бросать остекленелый взгляд назад, в историю! В исто... исти... исте... (ага) истерии же пара-тройка изрыгающих плевки ещё приветствуется для обвала их востребованных способностей (плевать с вывертом)...

24° Милая, милая Мар! Когда-то ты рапсодировала (мантия из чёрной вуали) между Evening Glory Fizz, мной и четырьмя часами пополудни (уже-е-е-е), итак: «Ба, уже всё позади, ба, если ты так любезен, пусть останется мальчик – за деньги или там ещё как-нибудь, птичка становится заносчивой, и правильно делает, что каждого, кто относится к ней уважительно, держит за глупца, ба, а ты напротив, напротив, напротив, теперь застёгнут, невесторжен (мило, а?) или только снисходителен, так результат один и тот же, ультрамариновый, но на сей раз, потому что мальчик считает заносчивой м е н я, тогда как мне всё-таки, ты ведь знаешь это, подлец, по правде только Fizz и важен, да иногда твоя невероятная манера держать плечи и т. д., ну да, ба, я всё-таки разведала одного прямо-таки ангельского Шпитцки, преуспевающе восточный и вообще лучшее, что сейчас есть в этой области, я всем это говорю, что я т о л ь к о ч т о тебе сказала, и впредь я буду говорить это т о ж е всем, и э т о тоже, и э т о т о ж е, это тоже, это тоже, чепуха... и почти все, ну по крайней мере всегда потрясены, становятся пригодным к употреблению и деньгомилейшими, пожалуйста...». Милая, милая Мар! Elle a un savon à la place du coeur... апокалипсическая шлюха... je me tais...

25° можно тарашиться в пустоту перед собой без всякого выражения так, что это действует наверняка. О, это трудно. Что касается шкалы: на недоверие бросается ненависть, на ненависть – недоверие, пока не сможешь больше выдерживать и уговаривать себя, что надо любить друг друга. Последний психический утробный порыв обморока (конечно, конечно). Но тарашись... Надо бы постоянно работать с поклоном во взгляде (или в голосе). Считается, что по технике общения это было бы осуществимо, если бы наверняка влекло за собой оскорбление словом (или вредные внутренние секреты). О, это трудно... (Теоретически глобальное давно запрещено; то, что практически оно ещё пасётся, так же необъяснимо, как тот запрет.)

26° Когда на кладбище Коттбуса я однажды заметил, что скорбь есть лишь болезненно-интенсивное стремление скрыть её отсутствие, я решил:

писать только почтовые карточки,
за все возложенные на меня нагрузки выбивать гонорары,
как можно чаще унижаться (как об этом хорошо поётся в песне),
кроме того, постоянно, надев свежайшее бельё, щеголять и

5. никогда больше не задавать ни одного вопроса (поскольку всякий неизбежно глуп) и не давать ни одного ответа (поскольку всякий просто-напросто опровержим).

Вследствие этого я чуть было не женился. Но в последний момент мне удалось забыть почтовую карточку. Так что пункт 1 отныне гласит:

1. никогда больше не утверждать, что пишешь только почтовые карточки.

Вот в чём тайна моей столь часто вызывающей удивление уверенности в обращении с кельнерами, вдовами и коммерческими советниками.

27° Случалось ли вам видеть утопленника? Ещё нет? Тогда остерегайтесь испугаться. Ваш визавизверг, который, как известно, точно так же не знает себя, в настоящий момент считает себя выдающимся авторитетом... если вы ещё не видели утопленника. М-да, робость (как всякое искреннее состояние), к сожалению, не ухватиста и не плечиста. Детина, который при вашем затянувшемся явлении, в конце концов, уже так активно занимается своими ногтями, что начинаешь сомневаться в его маникюре, больше не выдерживает этой вершины (ох!) самонаслаждения, и у него вдруг начинается приступ:... из самой мирной ауры кофейни или закуской прорывается безоглядная наглость, несуразный жест, молодежавый звук. Если вы не прозевали прорваться быстрым взглядом с приступом, сработанным похожим образом, то всё дело завертится: теперь вы держите себя за могущественного авторитета, поскольк вы ещё не видели утопленника... При некоторой классификации обеих партий головного мозга можно предсказать долгую, весьма идиотическую азартную игру в карты... Итак: овладевайте высшим идиоматическим наречием!..

28° Последнее разочарование? Когда разоблачится та иллюзия, что у вас нет иллюзий. (Самый одурманивающий манёвр тщеславия: выставить себя глупее и хуже, чем хотелось бы быть, чтобы предаваться тщеславию, что ты не тщеславен. Провал ужасен)... Вершина наивности? Когда кто-то единым махом (свят-свят-свят) – хочет узнать истину. (Но ведь, в конце концов, пощёчина – всего лишь отчаянная попытка сближения. И ненастоящие слёзы действуют зачастую более по-настоящему, чем – ненастоящие)... Два шуточных вопроса? Всё же нет. Два наручника.

29° Хорошая сигарета очень даже не лишняя... Все симптомы угрызений совести (бим!), вины (бам!) – такие, как краска стыда, бледность, заикание, беспокойно бегающий взгляд, побуждение к речи о том, что выдаёт тебя с головой, и т. д., и прочая чушь, – случаются, когда впечатлительность (недостаточное владение высшим идиоматическим наречием) достигает очень высокого градуса лишь на основе этой впечатлительности, которую она так быстро предвосхищает до мгновенно узнаваемой возможности, что фактически не в силах больше защититься (или вовсе не хочет этого больше: с о с т о я н и е...)... Эта длинная словесная фигура ещё и плюёт походя вслед и без того уже полному банкроту психологии! («Соседка, Ваше преподобное колено!»)

30° Почти все, кто очень нравится нам в молчании, вызывают отвращение, когда заговорят. Поэтому я ничего не делал в обществе (особенно в хорошем) чаще, чем с шумом обрушивал на всю шайку-лейку хвалебную аполлоническую песнь. (Большей частью для того, чтобы привлечь к себе внимание: вышеупомянутое отвращение быстро тонуло в блаженной волне польщённого тщеславия)... Кроме того: общение с гражданами – это, как ни крути, всего лишь бессмысленное напряжение. Всякое сближение – само по себе уже позорно (особенно плотоядное); всякая общительность – то же самое. Суть которой: почерпнуть себе на слух (тс-с, тс-с!) какие-то сведения и вычесать, как вшей, предубеждения и оговорки. О, что бы представлял собой приёмный холл Гранд-отеля без оговорок и предубеждений! Это было бы нечто ужасное! А что за оговорки и предубеждения без гула! Так себе, навязчивая идефикс. Несбыточно навязчивая (если угодно позабавиться)... (отвяжись!)... Кто и т е п е р ь всё ещё не понял Гайю Афранию, которая на форуме показала претору задницу, тот... ах, да что там: плевать с вывертом!

31° It's a long way to Tipperary. Ещё бы. Ведь так и задумано: психология – это гандикап. Всякое правило имеет свои исключения, без всяких сомнений. То есть правомерные

исключения. Поэтому высшая осторожность: каждое правило устанавливать как исключение, ибо правило – это исключение. (Важное правило!)... Есть лишь относительные установления относительных причинных связей. Да и тех нет. Психиатр и следователь – это, по существу, несостоявшиеся билетёры (бродячего цирка), поскольку любое (о-ля-ля!) – психологическое суждение есть заказанная обсуждаемым работа, которая так редко нравится лишь потому, что задача была поставлена неточно: вследствие незнания обсуждаемым себя самого. Лучшие суждения оказываются заданными хуже всего, а худшие – заданными лучше всего. (Плоды без семечек – самые сладкие. О милые невестребованные мордочки!) Как оказалось: прямо-таки разительно различие суждений о (ха!) – плохих людях. (Суждения о хороших всегда верны.) Не требует доказательств: суждения интересуют плохих ребят лишь тогда, когда они их слышат; а вот пажей интересуют уже тогда, когда ещё даже ничего (цыц!) не было задано... Всякий совет в наши дни – прямо-таки гиблое дело; но, кстати, между прочим: принять плохие суждения о себе – самый честный способ улизнуть от хороших суждений, которые тоже неверны. *Tant de bruit pour une occasion perdue?*.. А иногда и вовсе ничего не помогает: ни против-, ни со-ухмылка. Но кому-то вы всё же верите. Ах, где же публика для с о в с е м уж плохих ребят? Я так сузился и постраннел...

32° Выз... возможности общения. Мужчина и женщина (дама): в лучшем случае коитус; в случае похуже – что-то подобное половому сношению; в худшем случае – эротический фокус-покус (разговорный!), которому необходимо навязать прилагательное «*pausal*» (недостаточный, или: см. Уголовный кодекс). Мужчина (господин) и мужчина: в лучшем случае ценят возникающее по отношению друг к другу движение губ и вяло молчат (или говорят на высшем идиоматическом наречии) мимо щёк; в случае похуже – возникает тонкая, как лезвие клинка, потасовка, после сомнительного времяпрепровождения которой каждый привычно опускает плечи и отрицает всё: и победу или поражение, и себя, и другого, и короче говоря или не говоря; в худшем случае производишь заутюженные складки на лбу и вообще что-то важное и завершённое по форме, короче, болтаешь (милый Сотадес, изобретший палиндром!)... Плевать с вывертом!.. Во французской провинции Верхняя Гаронна, на границе с Испанией, ещё и в наши дни существует местная индустрия – производство уродов (по 5060 франков за уродца). Эта отрасль деятельности исчезла бы, если бы вследствие только что упомянутого худшего случая, который, к сожалению, с большим преобладанием доминирует, не было введено сострадание... Но настоящие уроды? Ну и интересуешься, раз ты такой, снова Гегелем, пацифизмом и возможным уничтожением детей-уродов... Я лично предпочитаю дам!!!

33° Бывают дни, когда всякий прикидывается дурачком. И ночи, когда самый глупый выглядит ещё и значительным. И бывают недели, и месяцы, и годы, и... Самые дырявые, щелястые вокабулы, самые расхлябанные паузы, высунутые языки, длинные носы среди прочего поэтому – очень облегчающие приёмы общения; тем более что каждая ситуация с любой точки зрения шатка и непрочна. Нежно выпусти на волю эти милые жесты (в о т высшее идиоматическое наречие!) – и ты удивишься, как превосходно всё устроится...

И поскольку, лишь пускаясь в страстноречие (так сказать), можно взорвать в с е отношения между персонами (они – в с е г д а конструкции!), это предлагает, к тому же, здоровый паллиатив. Кстати: среди людей живёшь, как известно (пока не...), постоянно в сети, по большей части натянутой тобой же самим, и часто очень тонко натянутой (брачная паранойя; Жан Суварин и его Нарва); один живёшь (пока не...) в ещё более тонко... Начинай же, наконец, выступать против самого себя! Начинай!! Ну же!!!!.. (Я давно уже плюю в тихие часы досуга себе самому на голову... Ах, я плюю на... – ...Да, на что?...)

34° Дамы бессознательно предпочитаемы. Всякое правило – это исключение. Психология – это гандикап. Плевков с вывертом: плевать на всё.

IV

35° Декарт и Свифт любили, это общеизвестно, зариться на чужое. Шапки долой! (То-то же...)

36° Самую большую уверенность проецирует в общество тот, кто убеждён в полной неуверенности всего и вся и потому ему всё осточертело. Самая обширная сознательность (патент Ойл Писсуар) – это лишь последняя неуверенность, которая предпоследним, однако, импонирует как уверенность. Последняя неуверенность, когда таковая вообще имеет вкус и хоть чем-то отдаёт: у в е р е н н о с т ь (резкий рывок). Отсюда и всё притворство, поскольку всё непрочно (по-растафарски). К этому же: кому ещё не казалось, что когда он плачет – он будто бы лжёт, а когда улыбается – будто бы он таится, а когда он забывает про свою физиономию – то будто бы он выдаёт себя, а? Вся мимика (мелкий проныра) – притворство... Верблюды верят в свои маски. Те же, кто их замечает, обнаруживают, что они притворяются уже тогда, когда только открывают рот. Кстати сказать: лучше всего притворяешься, когда держишь язык за зубами и мимику тоже придерживаешь (великий проныра)... Естественность (чук-чук, пре-пре) выпадает, к сожалению, лишь на блаженные поля несведущих: несмотря на это, они стали критерием для старших преподавателей, которые восхваляют в качестве добродетели то, что, однако, естественно; но если по-другому: сыночек считается естественным, если он не замечает, что его родитель – верблюд... Под занавес: так называемые уверенные становятся неотвратимо беззащитными, когда картина складывается не в их пользу; когда высвечивается лишь то, что говорит за другого, а невысвеченным остаётся то, что говорит против другого, и часто также против того, что сейчас говорит за другого (молчать!). Но поскольку нет ни света, ни уверенности, остаётся единственно проверенное средство – не становиться неуверенным: и даже не намереваться быть уверенным... Дави на плечо, фиксируй место левого соска (примерно) собеседника, носовую кость или гляди свысока, и в остальном тоже не уступай. Ни при каких условиях. Этого достаточно.

37° Всерьёз можно оказаться настолько низверженным, что жертва (тот, кому не до смеха) не в состоянии воспринять, как его визавишный придурок давно уже внутренне нежно потирает руки. В этот момент насущнее всего потребность выпрыгнуть из своего теперешнего состояния (агорафобия + бешенство слогов) и выпрыгнуть в своё правильное (пенис, известное дело). Это прекрасно доказывает, как (м-да) можно обойти самого себя с тылу, когда ещё не подвергся никакой эффективной внутренней полицейской облаве. Ибо поначалу каждый бездельник переоценивает себя, а более резкий (раз-два-взяли!) держит себя постоянно за гения до тех пор, пока не смекнёт, что это всего лишь талант стать знаменитым. Но после этого он быстренько дебоширит, ограничивает своё проворство делать из намёков пригодный для использования вздор (талант) своим частным предприятием (Брайан 1098), становится, если потерпит банкротство, всё равно знаменитым и заполняет часы досуга тем, что ржёт перед ручным зеркальцем... (Un oeil dit merde à l'autre.)

38° Стоп, а как насчёт демоники?... Спокойно. А то ведь дикий мужчина от недоверия к самому себе доходит до того, что постоянно подстерегает свои фразы и, наконец, замечает, что может решиться на всё. Ему осталось только решиться на это. Вот парень уже и демонический. Что касается дикой женщины, то это лежит уже в части вожелений: вначале удивлённо-довольная, потом полная наслаждения отдача тела, вскоре – восхищённая теми непомерными напряжениями (она прутот натягивается от пробора на макушке до самых цыпочек... она ликует!), и под конец – полная дикой решимости испробовать в с ё... И вот корова уже и демоническая. (Примечание для тупых: каждый человек во всём, что он делает, действует неотвратимо, но немного кокетливо; только поэтому не каждый акт воли тотчас же приводит в самое гулкое удивление. Но верить в демонию поэтому пока не представляется случая.)

39° с тех пор, как я знаю о существовании графологов, стал ли я в этом отношении увереннее, чем тогда, когда не особо доверял перилам мостков... Воздействие письма на мелкого проныру: детское, смешное; на крупного: идиотское, гротескное. (Достопочтенный) почерк – самый неточный знак, какой только можно дать о себе. (А поскольку более точного нет вообще, то... ну!)... С примитивными заключениями (Барбара), которые она допускает, ничего не получить (всё лишь варваризмы!); почерки детской руки – самые опасные. А что касается более продвинутых заключений (фантазмагорических, как венские художественные мастерские): окольным путём попадаешься на собственные лестные внушения. Попадаешься. Всякий (э!) почерк для того, кому он о чём-то говорит, – удавленная мистификация... В конце попадаешься постоянно. Постоянно. Попадаешься.

40° И всё ещё встречаются (кр-р-р-р!) – головы, которым не самое худшее мнение со головы – уже хорошо в самый раз. Дилетанты! Мои мнения – всегда самые худшие, а по существу вовсе никакие. Поэтому мне всё так осточертело... Каждый, каждый, каждый – оглушительно пуст! Зачем набивать эту пустоту каким-то мнением, вы, пульверизаторы наполнения? Они горланят, что обладают полнотой, когда нальются. А это не полнота, а наполнение, всего лишь! Конечно: хамелеоны (тёмные дельцы) – самые передние из задних лестниц; но: всё же вы пустые, такие пустые, уж какие вы есть! Кроме того, это и гораздо приятнее: всё становится легче, расхлябанней, в первую очередь сам господин... Кто ещё не знает: чем легче, чем расхлябаннее человек, тем он откровеннее; поскольку он ещё не придумал себе ничего прочного, его легко заполнить. Но, мерзавцы, наступит минута (хотя бы), когда коленки под ним подломятся. Разрывная сила этого тибетского хохота: показушник, размазня, междусобоечник, вам лучше знать, кто вы такие, ваша шкура лопнет. И гляди-ка, она была надута... Поэтому всё это мне давно осточертело!

41° «Я вас вижу насквозь!» – С этого мгновения моё недоверие исчезло: мальчик мне наскучил... Ах, какое, однако, благодетельное для тех, кто уже разучился считать простые беседы угрожающими, – плохо прополотый пижон! (Особенно если он, к тому же, ласкает при этом свои лаковые башмаки.) Является ли утешением знать, что всё ещё есть бесполезные члены общества? Нет. Несмотря ни на что. Ибо и у них бывают томные глаза. И они живут между мягкой, как масло, эротикой и мозговой жвачкой настолько бессмысленно, что самая захудалая демонистка с ума сойдёт от своего содержания. (Вот в чём преступление!) О, а неприятность так живительна! А посему цени этого пижона и лелей, и сбивай с толку всякую позицию до тех пор, пока уцелевшую – ту, что живёт блаженной уверенностью, что она вообще не позиция, – больше нельзя будет сбить с толку. Тем не менее, помни фразу Наполеона, сказанную им, когда ему дали перечитать его египетскую прокламацию («Как это похоже на крики рыночных зазывал!» – собственные слова этого превосходного человека), не как духовное убежище, может быть, поскольку лишь тогда тебе выпадет на долю хоть какая-то отчётливая ориентация, когда тебе удастся вступить в разговор с собственной простатой. А до тех пор остаётся единственно истинно достойное человека положение – образно, но постоянно лежать на своей самой комической части тела и, благодаря этой позиции – напротив расположенного сверху звёздного неба, – казаться глубоко потрясённым.

42° не есть ли намёк (рассматриваемый дефинитивно) коварно выдвигаемое подозрение, которое подло (однако безвозвратно часто) делает тебя беззащитным; разве что... Не обращать внимания – тогда прослывёшь глупцом или подтвердишь этот намёк именно тем, что игнорируешь его; если обратишь на него внимание, всё равно прослывёшь глупцом, потому что подтвердишь его тем, что обратил на него внимание. Или как раз поэтому получишь его с улыбкой назад, поскольку ведь нет никакого намёка, а просто ты обладаешь слишком уж чутким слухом... Разве что ты тут же обвинишь намекающего в предосудительной связи с горячим куском говяжьего филе. Сказочный успех.

43° А-а-а-а как же любовь? Сентиментальный (сосуд плодово-ягодного сусли) делает из гуся лебедя. (Это и есть любовь.) И это при том, что он отчётливо воспринимает лишь себя. Другой (созерцатель) обретает (разве ты не видел?) – мысль и пишет её своей Иде... Эротика? Сексуальный эрзац. Инстинкт горячий, а колено холодное. Мозг себя жалеет и устраивает усталым нервам представления. Лучшего театра и не надо... Охранители духа, которые грассируют сейчас в Средней Европе на трубе стиля, тяжело гудят, что, мол, они покончили со своей эротикой самое позднее к тридцати годам. И что в остатке? Дух, что ли, а? Мерзавцы! Но вы только посмотрите на их дам!.. Мимикрия... И те, что с лучистым взглядом, добиваются его лишь тем, что мобилизуют всё своё терпение, чтобы отнять у него (хоп-п-п!) – глубину. Правда, каждая женщина так и так посме-е-ивается над тем образом (мимикристом), который на ней женился; но и та, что обрела лучистый взгляд в постели, при случае не без позора бежит одна: «Но это же не имеет значения, как часто мужчина...» (Мадам краснеет!) «...так и мой муж говорит, да». Только он и говорит это, моя бедняжка; поскольку ни одна женщина не говорит то, что думает, а говорит то, что взбрѣдет ей в голову, а в голову ей взбрѣдает от её мужа (что-что?)... До чего же всё-таки легко убедить женщину (хм) в том, что сексуальность – единственное, что надёжно! И до чего же трудно заставить её презирать сексуальность! То, что это всё-таки происходит и в наши дни: самцы вынуждены раздобывать себе что-то духовное, чтобы скоротать время (которое просто приводит в отчаяние!)... Мало что бывает занятнее, чем эта пустая болтовня (труба стиля), которая призвана сделать Лео желаннее для мадам. Но это удаётся лишь так себе. Спится с селезнем-думателем не лучше, чем с обычным.

44° Реальное доняло! О ч е н ь реальное!!! При виде могучих старых рыцарских доспехов; а ведь такие ребята, как Казанова и Генрих IV, в два счёта управлялись со своим люэсом: прогулка по европейским городам ассоциированных рыцарей печального (чего-чего?) образа... Это в наши дни с любой точки зрения рекомендуется вымирать. Сегодня уже не знаешь, что делать со своим «после» (о, эти пустынные паузы!). А ведь были времена, когда не было никакого «после», господа поэты. (Индейцы и по сей день заражены спирохетами, однако ж здоровы!) Увы, старые инстинкты остались, а соответствующие им жизненные силы изжились! А были некогда задействованы непрерывно; минутки не было свободной поскушать (потрубить): дышали полной грудью, коитировали, охотились, дрались, пьянствовали, жрали, коитировали, плавали, похрюкивали, коитировали, спали – и день блаженно подходил к концу. Отныне инстинкты свободны от служебных обязанностей в течение четырнадцати часов, которые служат (тихо!) профессиональной жизни или (ф-ф-фт!) созерцанию, имеющему радостную задачу так тонко отговорить своего господина от инстинктов, что он будет в состоянии поверить, что он хоть и молодец-парень, но такой умица, что отказался от них. Обезьяны! Испорченные обезьяны!! Омерзительные обезьяны!!!

45° «Что же ещё делать ангелочкам, как не петь?» Любезный Якоб Бёме, они наверняка себя оплакивают, когда не... (Не кто-нибудь, а дурень Данте...)

46° Ну, а теперь средняя палуба хотела бы знать, что предполагается предпринять с её (пока ещё имеющимся в наличии) здоровьем. Поскольку замечаешь его, только когда теряешь, то предложение хитреца было бы весьма спорным: «Сдавайтесь сразу!» (Понятно?) Импозиантно!.. Ничего нету! Фригидность – это просто очень маленький градус мимолётного влечения. Абсолютно фригидный человек – мёртв. Попросту мёртв. Но, в конце концов, ты всегда разочарован в себе, и всё так, как будто берёшь стоячую вешалку и ставишь её на то же место. В двадцать лет выкинул монокль, в тридцать убрал сигарету из-за уха и раз и навсегда узнал, что от мадам можно избавиться только одним способом: вдруг начать её любить (ревновать, хоть это и труднее...).

47° Напоследок... от скуки становишься злобным. Потом тебе наскучивает быть злобным. И, наконец, начинаешь коллекционировать картинки от шоколадок. Идеализм – всё ещё непростительный реализм. Неожесточённый юноша, изучающий Талмуд, всё равно постраш-

нее будет (поскольку идеалист), чем одичавший имажинист (поскольку реалист). И кто только изобрёл эту ампулу под названием «душа»! Может, в какой-то степени разочаровывающий вид голого... Однако это разочарование: берёшь себя за ухо, набираешься отваги и сознаёшься себе, что втайне любишься собственными ногами, поскольку случай больше не приносит того, что другие когда-то отбивали у опасности... Да, ты дошёл до того, что п о ч т и целиком симулируешь свою табулу раста, чтобы остатком «почти», кажушимся таким невзрачным, нанести свой сокрушительный удар. Который, конечно, попадает и по собственной плоти:...последняя похотишка... последний гневишко...

48° Взгляды Венеры – единственно надёжное дело. Демония – кусок говяжьего филе. Трубы постельного духа – варварство. Душа – не перила мостков. Любовь – лебединство.

V

49° Самая редкая деталь всегда портит общее впечатление. Ведь если знаешь чайна-таун или Тиффани (владелец ювелирных магазинов), то в скором времени опять возникнут тихие каникулы смысла, для которых тосты с джемом не являются решением. А поскольку всякое объяснение имеет гораздо меньшее значение, чем принято считать, то, коли вы за него берётесь, предпочтительнее всего затеряться в тончайшей дымке фраз. Страстность – это не аргумент. А знатоки, которые уже наперёд говорят так громко, что все застрахованные от пожара сейчас же подумают одно и то же, содержат страстность в себе... Нокаут. Бюст мадам взмывает. Господин Ф. с матрасом на подбородке (матрацы труднее всего ущипнуть) убеждает себя, что угрызения совести привносят разнообразие. Даже самые утончённые могут аргументировать лишь оттенком интонации. Постоянно и тщетно стараешься найти точное слово. (Пирлим-пим-пим, как любил говаривать господин Ф.)... Пройдись себе спокойно туда-сюда, сорви старую грушу, а попутно – и возникшую при этом мысль и возведи её в принцип: *le comble du grand écart*...

50° В той отчаянной летаргии (наполовину жулик, наполовину фаталист), которая ни на что не решилась, а значит, решилась на всё, присутствует напряжение для дважды перечёркнутого фальцета. Когда это слышишь, то кажется, будто у кого-то окончательно лопнуло всякое терпение. Я слышал, как жокей Руди Этвё сказал той даме, которая представляла собой его побочный заработок:

- Когда я хочу быть хорошим, мне тут же хочется разорвать за это всех на куски.
- А мне нет.
- Почему?
- *Je m'en fous!*..

Фальцет. Дважды перечёркнутый. (Когда начнёшь в «Аëро-Palace», в трёх тысячах метров над Ниццей, позволять себе на десерт чесать у себя под мышками, а?)

51° Пирлим-пим-пим... Любая квартира, кудаходишь впервые, настраивает (сию минуту) саркастически; частью:... потому что постоянно можешь почувствовать, что радости (бифштекс) или вежливым манерам (завтрак), с которыми тебя встречают, предшествовали секунды отчётливой досады, а то и вовсе ненависти; и потому что, с другой стороны, по каждой персоне, входящей в комнату, можно наблюдать, что ещё на пороге в её лице как будто что-то подпадает под принуждение: такое впечатление, что всё, что она скажет, будет ложью; что она уже на лестнице злорадствовала по этому поводу; но что и досадное или исполненное ненависти чувство, которое испытываешь именно поэтому, не может ускользнуть от неё... частью:... снимая перчатку: почему не объявить себя сторонником неприкрытой кожи? Или: почему не поговорить о маленьком мамином Байраме (заливаясь трелями), или о слабеньком наказании, какое понесла Пассоскская за украденные папилютки, или о бахвальстве придворного портного Симеона Ахсельшвайса... частью:... потому что любая квартира имеет быть притоном с терпимостью в расценках. Пирлим-пим-пим...

52° Зажигательное гульбище: не желать иметь никакой системы, это что-то новое. Истина (враньё) не может стать проблемой, поскольку её следует принять ещё в предпосылках, на уровне речи. Каждый слишком уж верит в себя: что с о в е р ш е н н о ни во что не впутался. Этот род злобы (не система) есть всё же лишь замаскированная озабоченность собственной бесцельностью; но вовсе не: бессмысленностью!.. Я пробежусь галопом по последним шалостям: сама мысль как таковая могла бы стать проблемой; наиболее острой там, где она таким образом стоит между полюсами истины и лжи, что всё дело зависит от тончайших нюансов. Но тут частное лицо замечает, что нельзя неоспоримо заключить, а можно лишь (хе-хе) на ощупь прозондировать, к какому из двух полюсов мысль к а ж е т с я стоящей ближе. И тотчас же

все эти праздные мысли становятся проблемой. (Убедительность – якобы единственный критерий. Merci!)... Совершенно ни во что не надо ввязываться! Если я говорю: «Я отрекаюсь от истины», то я оказываюсь с этим утверждением между полюсами истины и лжи, поскольку я утверждаю, что истины нет: то есть это положение я хочу считать истинным. Полное противоречие: содержание положения опровергается им самим. Каждое утверждение поэтому лживо, поскольку оно не может быть истинным, отрицая возможность того, что хоть что-то может быть истинным... Тут начинает понемногу рябить в глазах. Начинается отрыжка. И как-то всё желтеет... Заблуждаешься – всегда. Всегда. Заблуждается всякий. Всегда. Всякий. Всякий всегда... (Навязчивое действие? Или: свержность? Или:?)

53° Или: изюм. Стоит только решить, что с завтрашнего дня вместо живота надо говорить кропп, а вместо указательного пальца фек – и всё станет веселее. В настоящее время я очень люблю слово «изюм». Когда я его произношу, я представляю себе смесь акушеров, депутатов и творога... (Помни: чем неправдоподобнее случай, тем он достовернее. Это утверждаю я, который сам есть случай, который в силу неправдоподобия этого утверждения всё же не становится достовернее. И поэтому я предпочитаю случаться без утверждений.)

54° Сказка (генезис)... Первоначально совершенная простота. Потеря простоты (отчего?) и смысла (простота?). После этого разлад: оборотливость. Вначале: неосознанно, то есть в смутном отчаянии (скучаяще). Позднее: осознанно, то есть в полном отчаянии (непомерно скучаяще). Поэтому: новые потребности, для которых работаешь и даёшь работу. Следовательно: дела: ведёшь тяжбы и враждуешь. Дальше: новые потребности, новые дела. И тут скука становится всё больше, начинаешь теологизировать и философствовать и, наконец, делать дела уже и з э т о г о... Резюме: хроническая агония. Вспомогательное средство: простота? О, милая простота!.. Это генезис? Всё-таки нет. Солидные глупости!!! Даже не умеренные убедительностью. Сказка (как поэма «Эврика» или «Пол и характер» Вейнингера)... Но можно было бы, тем не менее, сколотить (прочирить) весёленькую альтернативу таким образом:

Либо: отключить сознание (факир, опьяняющий напиток сома).

Либо: осознанный разлад (обер-кельнер).

к 1. Конструкция не-человека (зевака).

к 2. Конструкция недо-человека (рывок).

Обе конструкции происходят из одного и того же источника: (пожалуйста, любое существо! Например: комариная контора!!!)

к 1. Самая отсталая бессмыслица (марка «Нирвана»).

к 2. Самая передовая бессмыслица (движение тарифов в ремесле фотографа).

Я отступаюсь!..

55° В любом случае мораль – самое нецелесообразное учреждение для устранения каких-либо предприятий. Из-за того, что ты в состоянии держать хорошее дело (мораль) против гораздо лучшего (без морали) (какая милая прозрачность!), легко признаться себе, что ты в принципе не имеешь никакой установки вообще, чувствуешь себя приблизительно как вольноотпущенный и излишне много носишься с запоздалым обдумыванием... Устранение морали завело бы поэтому – может, путём введения торговли через посредников – в службу брачного маклерства. Или путём препятствий в получении удовольствия от компота. Или просто путём приёма ванн.

56° Шутка есть единственно терпимый вид повторения давно забытых глупостей. Где всё всерьёз, там собираются лягушки (мыслящие!). Чем человек остроумнее (заслуженная слава!), тем больше он превзошёл (заслуги, славу)... Шутка? Себя самого довести до абсурда (до Шиньоля): плоский, как блин... (Шарлот Чаплин: Герхарт Хауптман – мальчик-сирота).... Но юмор? Я не скажу ничего, кроме: Кемпински (или: притворённая задняя дверь для всего ассортимента сантиментов)... О, бывают такие сносшибательные шутки над самим собой,

что позволяют к своему вящему удовольствию в течение нескольких месяцев снимать плоды с женского торса (вот именно); и что тебя распирает изнутри от выражений, которые у других останавливают в жилах кровь (так сказать). Но мне они, конечно, надоели. Осточертели. (Прокисшее молоко застоявшегося образа мыслей под блиц-блистающей кровью!)... Но и это всего лишь приятно, но совершенно непонятно...

57° Человек в принципе всегда безуспешен. Успех? Более или менее мастерское заблуждение. Всё неправильно. (Тем более это.) Чем настойчивее водворяется порядок, тем стремительнее беспорядок, который он, в конце концов, и создаёт. Если бы кто-то мог представить идею (последняя: смысл), всё бы всем стало ясно и всё бы было в ослепительном порядке. Якобы. Но так... все идеи (и т. п. и пр. бесчинства) оборачиваются прямо-таки бедой. Идея? Успех. Следовательно: беда. Христианство, например, изысканное событие в плане разнообразия, считающее себя хорошим делом (мораль), имеет на совести мировую войну, которая была дурным делом (с моралью и без морали): – паранойя самого навязчивого толка, вызванная нехваткой забитых учителей, инцестом, лёгкой возможностью уехать и затянувшейся любовью к себе... («Возлюби ближнего своего, как...» и т. п. и пр. чепуха)... Эй, а как обстоят дела с этой любовью к самому себе? Так: иногда любишь свою ненависть к себе (если не калечить), но опять же до самоненависти и до отчаяния (бар «Фетиш»). Это не любовь к самому себе, а тщеславие, естественно. Если бы была любовь к себе, то можно было бы по праву быть по отношению к ней тщеславным, но именно поэтому её бы не было, поскольку любовь к себе не тщеславие, а зверски-одарённое состояние (пастбищный откорм). Значит, поскольку позволяешь своему ближнему, коли уж любишь его, как самого себя, служить лишь собственной самовлюблённости, нельзя удивляться себе, что любишь так много... Различие между И. Христом и Х. Гюисмансом («Делай другим то, что ты не хочешь, чтобы они делали тебе!»): оба были успешны и потому не имели успеха... Удары наносит, впрочем, часто самая большая привязанность, а дары – самая большая неприязнь. Надо было бы попробовать поставить представление. Несмотря на это, я придумал (чем я себе весьма льщу!) один чрезвычайно практичный выход: чего я не могу добиться по телефону, того добьюсь путём хищения, а если это не удаётся, то я помогу себе фиктивной дракой... (*Après moi la blennorragie!*)

58° Шедевры (говори тише!) мировой литературы: книги, которые вызывают ощущение такого н а д у в а т е л ь с т в а, что закрываешь (в юности) глаза, пролистываешь дальше и, в конце концов (если так и не удаётся поймать себя), воображаешь, что получил представление и есть от чего оттолкнуться... Искусство!!! Самая инфантильная форма магии. Позанимайся несколько недель тайными науками – и обнаружишь, что оккультисты – более здравые ребята. Все журналы по искусству (трезвон о бурях, размахивание руками о действиях, долгие разглагольствования о глаголах) – всего лишь отдельные приложения к корреспондирующим ежедневным газетам (с теми особым фельетон). «Новый венский журнал», «Берлинер Цайтунг в полдень» и «Утро» – с любой точки зрения можно рекомендовать как гораздо более добротные... Лучшие книги мировой литературы были написаны в намерении написать лучшую книгу всех времён: психологически единственно переносимая предпосылка для написания книги в то время. Сегодня это может быть только: желание сделать невозможным, чтобы когда-нибудь снова какая-то книга писалась с таким намерением. Допустим, это удалось бы: кто бы тогда стал ещё писать плохие книги?... Лучшая книга: ненаписанная (Наполеон, Рембо, Лотреамон, Жуков)... Я был бы рад услышать, что эти страницы суть последнее дерьмо, какое только было когда-либо написано. Вот бы я порадовался.

59° Похоть – единственное надувательство, которому я желаю длиться.

60° Само собой разумеется, в принципе я вообще не состою в знакомстве с самим собой. Я, правда, и не надеюсь впредь когда-нибудь быть представленным. О, сутенёрские отношения, в общем и целом! (Я в каждом городе решительно предпочитаю отель «Du Roule»)... К самому себе никогда не найти правильный подход. Даже никогда не узнаешь, туда ли идёшь.

(Были произведены н а б л ю д е н и я!) Следует, наконец, идти твёрдым шагом!!!.. Я сильно подозреваю, что я всего лишь мелю. Как...?

61° Похоть – это всё. Шедевры – не пастбищный откорм. Страстность – это мера наказания. Остроумие – это инцест. Мораль – это торговля по цепочке.

VI

62° Вся эта дикая вонь не есть результат одних лишь человеческих подвигов, но есть результат всего: из бессмысленного прорывается бессмысленное. Кровью ли героев покоряют Восточную Африку, отдают ли миссионеры себя на избиение, философы ли помирают от голода – всё это настолько бессмысленно, как всякая жизнь, как моя, которая так тщится избежать геройской смерти, так силится не иметь никакой, даже самой никудышной, миссии и, боже упаси, никакой философии... Зафиксировать: некий (ударение, пожалуйста, на основное слово!) благодетель ненавидим со стороны жертвы его добра (чрезмерное бескорыстие действует деморализующе) точно так же, как негодяй (респектабельный тип) – со стороны своей жертвы, которой он причиняет жестокие страдания. Оба совершают именно бессмысленное. А то и: все четверо. И совсем уж не бросается в глаза, что злодеи гораздо более страстно любимы, чем пай-мальчики (обрыдли!), а последние любимы лишь тогда, когда они поистине хорошеют от злости. (Поистине хорошим бываешь т о л ь к о от злости!) Поэтому нигде приступы ярости не встречаются так часто, как там, где (хопс-додеро-хо-хо!) – любят...

63° Каждый писатель, который хотел бы, чтоб его считали значительным (то есть буквально к а ж д ы й!), заботится о том, чтобы регулярные скандалы, которыми он снабжает свою биографию, не были незначительными. Он – ЗА то, чтобы это нельзя было стерпеть, и с этого он живёт (хоть и не обязательно в вилле). Однако его скандальность воспринимают как вспыльчивость! Как выбросы жёлчи!! О вы, проклятые зеркала!!!!.. Уж если ощущаешь собственную вонь как аромат, то хотя бы других надо поберечь от неё. Красивые женщины часто заставляют даже отпетых глупцов вести себя по-идиотски: значит, ещё и с радостью можно разыгрывать из себя одарённое чудовище (с тихими относительными придаточными предложениями) и таскать себе с самого доньшка горяченькое. Во всём прочем уже не смешно даже хихикать над собственным хихиканьем. И тут же прорывается ярость...

64° В самой глубине собой не владеешь никогда. Да и как овладеешь собой! (Всякая одежда кажется гротескной.) Только представить себе: злишься на молчание присутствующих и начинаешь, ещё больше злясь на это, говорить, хотя... (Вымученные рассуждения типа: «Что нам учение о неврозах!» или: «Неужто одол – лучшее средство для сердца?»)... После нескольких фраз ты уже в безукоризненной ярости. Из-за чего?.. Вернейшее средство против молчащих: тоже молчать. Это сомнительный опыт, да... Можно наслаждаться своей ненавистью к другим, только когда её не замечают. Можно вообще держаться как-то, только если ненавидишь тайно, подпольно, без шума... И вот вам: ярость мстит за себя. Господин ретируется широким шагом, о ч е н ь резво... Однако: о, верх всей жестикуляции бездельника: к чему? за что? почему месть?.. А?.. (Но не выманишь этим у трупа дыхание. Разве что выманишь хоть строчку у ведекиндовского Йоахима Фриденталья, который вроде бы ещё должен жить.)

65° Короче, достаточно убедить себя, что самые редкие и живоительно любопытные создания постоянно оказываются странным образом неугодными иностранцами, которые прежде всего выгодно отличаются от помоев своего теперешнего окружения тем, что не натравливают свою волю на свой разум (большевики). В самом деле, человек не есть ни универсальный троп (угольная облигация), ни существо, способное обогатить мир ликвидацией бедности или, например, поднять переносимость общественного со-жительства тем, что перестать так много врать. (Я располагаю непоколебимым убеждением, что я есть моё времяпрепровождение и вежливый человек)... Невозможно же, в самом деле, верить в заявленную Буддой (типичный пограничный случай между ихтиозом и паранойей) волну человечности, когда тебе ежедневно вместе со всеми приходится видеть, как самые передовые героини тротуара особенно ценят, когда их игнорируют супруги банковских директоров. Это уже действительно слишком. Я смотрю на гору Монте Сальваторе на берегу Луганского озера. Я в состоянии различить

её вершинную лесистость, находясь на улице, восторженно названной именем этой горы. И я говорю лишь: «Laissons la salade. Faisons un grand arrangement».

66° Существует один поразительный пробел... Идёшь в люди (чёрт бы их побрал!), чтобы упиться своей ненавистью к ним, но... учуешь этот пробел – и дальше дело не идёт (тем более ногами)... И понимаешь, в чём причина: всё лабильное самоспотыкание тяжелейшей природы, всё поведенческое бессилие (даже молча не можешь держаться), всё смещение *ipsius generis* (волочишь, упираясь, свою душу, словно вагонетку), всё непрочное, шаткое, всё со множеством оговорок... Не можешь придерживаться даже того, что не можешь придерживаться ничего, досточтимые враги... Господин, таким образом, резво ретируется: из-за – я р о с т и п р о б е л а...

67° «Человеческая жизнь: лишь «раз» успеешь сосчитать – и нету». (Шекспир, собственноручно). И вот, я утверждаю, что и до разу не успеешь досчитать. (Человеческая жизнь: пиши пропало)... С людьми, которые любой разговор моментально затащат на такую высоту, где сам ты, как известно, никогда не пребываешь, рекомендуется держать Гёте за подменённого в детстве индийского младенца. Это, помимо всего, ещё и пробуждает аппетит. (Моим последним желанием было бы: иметь возможность напоследок угостить собой; или: самого себя считать за лакомство.)

68° Нижеследующая строка имеет тройственный смысл. Пожалуйста, читатель, примите во внимание работу... (Издёвка в качестве исподнего белья...)

69° Путём словесных формулировок огорчительное состояние (ревматизм, вот досада, увечье) терпимей не становится нисколько... Поначалу, правда, часто кажется, будто мысль набирает вес от нескольких формулировок; но потом оказывается, что от этого она много теряет; и, наконец, достаточно одной-единственной формулировки, чтобы сделать мысль совсем смешной. И это есть ход мысли? Распутье. Можно часами продолжать её в бесконечность по всем направлениям ветра... Недавно открылось: всякая мысль есть (по крайней мере, лёгкий) приступ бешенства. Против бесстыжого покоя и уверенности окружения, включая духовных охранителей. Однако этот сжатый результат познания делает тебя ещё только злее. А это ли не самое бессмысленное – находиться в бешенстве?... Одно маленькое наблюдение для диспозиции: часто, когда бессмысленно неистовствуешь, возникает чувство, будто жизнь (пепепе-пепере) в это мгновение приобретает смысл. Следовательно, сама ярость и есть жизнь? Известно, правда: гнев содержит по большей части искренность: известно, правда: все остальные состояния можно выдержать лишь потому, что гнев остаётся скрытым или что господин притворяется... Тем не менее: бессмысленность, достигшая своей высшей точки, это ярость, ярость, ярость, а вовсе не смысл...

70° Не иметь денег – это почти доказательство обратного. Иметь их – катастрофа. (И то, и другое состояние – оскверняет.)

71° После хорошего обеда мне лучше всего даётся убеждение, что никакой дурак не держит себя за дурака так часто, как (вот именно) недурак. Но на этом всё различие и кончается. *Pas la reine!* Всякий настоящий недурак – к тому же циник. (Цинизм: крайняя нехватка однобокой субъективности.) От циника до дезертира, впрочем, всего один шаг (*la reine?*). Первейший цинизм становится настолько многосторонним, что оказывается опять же однобоким. Это, естественно, замечаешь и впадаешь в ярость. Настоящий недурак:...этот человек – х о р о ш и й. Кому ещё не стало тошно?... (Кому ещё не стало х о р о ш о?)

72° (Чувство!)... Всё ж: хоть немного, да профессионально! Послушайте краем уха: чувство возникает, когда тело, которое что-то чувствует (Ивонна), находится на пути к тому, чтобы задуматься об этом. Если это удаётся, то чувство счастливо устранено, а мысль от него доходит до самой себя. И тут даже человеку крепкому становится дурно. Кто же хочет докопаться до правды? Но поскольку сознание (патент Ойл Писсуар) может заниматься постоянно лишь самим собой, оно всегда доказывает (склонения!) лишь само себя, даже тогда, когда хочет само

себя опровергнуть! И с т а к и м-т о аппаратом – выудить свой собственный смысл? Да и вообще с м ы с л! («Qui est la? Ивонна?»)

73° Приватный человек расстроен... Сознание – это лживость: воплощённая скука. Ненависть: неудовлетворённое чувство мести большого самолюбия, то есть тяжёлый симптом неполноценности (если эта ненависть ещё не превратилась просто в вялый спорт). Ибо ненавидишь, когда говоришь, не только того, кто слушает, но и самого себя. Но поскольку к высказыванию побуждает лишь тщеславие, оно становится обижено уже самим фактом этого высказывания. Поэтому чувство мести остаётся постоянно неутолённым, ведь утолиться оно может только тем, что ты умеешь заполнять пробелы. Следовательно: скука тщеславия, скука ненависти, скука мести, скука ярости, скука, скука, скука... Канализационный круг замкнулся. Приватный человек пердит.

74° Выходом, может, было бы: сознательно отпустить себя, открыто дать себя увлечь к своим инкапсулированным, самым искажённым смехотворностям и уловкам – когда великая отдача, что разрешает без остатка лишь единственный возврат: пинок – прочь от себя. (Применённый в данном случае к космосу!)... Будь ты хоть сам себе обманщик! Полный детской резвости!! Раз уж ты здесь!!!. Иногда я очень удивлялся, что не в с е начинают мгновенно бушевать или хотя бы не кончают со всем этим... Ку-ка-ре-ку!..

75° В конце концов, и идиотский лепет – тоже вариант. За каждой фразой тебе мерещится намёк на дикий хохот; за каждым движением мускулов оптического характера – то же самое: во всём остальном ты – серьёзный человек... Итак: не является ли человеческий мозг всего лишь наследственным хроническим нарывом? Против этого говорит то обстоятельство, что я совсем не дошёл бы до этой внезапной догадки без нарыва, никак не дошёл бы. В с ё есть симптом. Язык – точно так же, как произведённые с его помощью результаты. Это не позиция – не иметь никакой позиции. Земля движется (как-то), а мысль, наверное, лишь симптом этого движения... Поскольку не обладаешь смыслом (пробелы), то обладаешь той иллюзией, что обладаешь смыслом, или той иллюзией, что ты не заблуждаешься, по счастью. Значит, ты неизлечимо безумен... Мысль, что это весёлое состояние тебе обеспечил многотысячелетний нарыв, действует почти успокоительно. Мысль? Эпохально! Безумие? Вековое! Разве и это тоже – не заблуждение? О, часами, часами... Ку-ка-ре-ку!.. Известно: но это самое тончайшее, самое последнее, я с н о е безумие... Поэтому я могу себе с радостью позволить кричать петухом. (Я только что кричал ку-ка-ре-ку...)... Ку-ка-ре-ку!!!..

76° Самый лёгкий тон повествования: если проглядишь, что игра в этом мире идёт на деньги, то пригляди за тем, чтобы были люди, у которых деньги уже есть. Играют, чтобы играть? Или чтобы козырнуть? Или чтобы сжульничать? В конце концов, может, существуешь для того, чтобы собирать картинки с шоколадных обёрток и вновь появиться на публике только после того, как соберёшь больше 481 штуки. Или надо выступать против этого? В конце концов, быть против – это уж слишком. Разве что заняться мельничным ремеслом? Фактически молот? Разве это было бы не то же самое? Следовало бы бесшумно лечь и издохнуть. Но, к сожалению, это не получится, потому что без шума не обойтись. Ну, во всяком случае, был Жак Лебауд, император Сахары, поистине великий человек. Стоп, а разве не более велик клоун Футит? Или суфражистка Панкхурст? Но Сириус ещё больше, какая-то дурацкая звезда. Кто хотел бы целое воскресенье зваться «Деталью канализационной решётки»? А кто – «Хэмбо»? А кто – «Вомва»?.. Л.Д... – ? —... (Последнее дело)...

77° тем не менее свинья унылой почтовой конторы облагораживает с любой точки зрения чреватого апрелем балдахинного мопса весомейшим образом укореняет и скрывает от взоров месивом в целях ракетных экспрессов с земляными прожилками живота возникший снова запряг волов и поехал со своей обычной медлительностью в великий день гимнопевного познания новаторских кондукторов ознаменуя дождевую каплю она тебе будет благодарна за этот плагиат бойниц и шквалов и вечерние раны ловли ветра злобно шипят на девушек за всё и раз

и навсегда и жоржмюллят неторопливо и не раздумывая поскольку уж полицейские корабли не волнует подагрическое эхо прихлебателей луж и пальцев поколения поскольку ведь в райски изблёванном лёгочном крыле нежатся явайские предполуденные сибариты несмотря на сообщения о лихорадке чернорабочих наряду с примерным питомцем безумцев и гадательным пышкам это оплаченно портят папричные котурны на замедленных ногах частичного запруживания путём светло-жирных мантилий покончить с зобом неудачно и из любви средние ягодные бараны остались должны попятные деньги вот так он не мечтает о том чтоб обтесать эскадрильи и о столовом перце который ромашку и особенно купе жака так запломбировал астрально осерчало как только ещё лишь светло-вишнёвый юбилей

78° Космосу – пинка! Да здравствует Дада!!!

Лу г а н о, март 1918

У голубой обезьяны. Тридцать три уголовных рассказа

Мансардное

Каждый день в три часа пополудни Петер имел обыкновение злиться на то, что проснулся. Вот и на сей раз он думал о том, какое бесстыдство, что после восьми часов утра от дня уже не отвертеться.

Потом он одиннадцать раз плюнул. Поскольку доплюнуть до потолка мансарды ему так и не удалось, он решил добиться хотя бы такой вертикальности плевок, чтобы тот упал ему обратно прямо в рот.

В конце концов, язык у него онемел и распух. У него ещё хватило сил перевернуть подушку и разместить свою голову на сухом месте для сна.

По вечерам он грезил, чтобы кто-нибудь – хоть паук-крестовик, что ли – выстрелил из пушки в его левое ухо.

Ножка Фифи утонула в рубашке, которая создавала на пороге сероватую кучку. Фифи посему громко воскликнула:

– Вот свинья!

В мозг Петера с обширным гулом угодило пушечное ядро и произвело такое действие, что голова его соскользнула бы с кровати и покатила бы по половицам, если бы не наседающее следом тело, которое завалило-таки её на бок.

Фифи сдернула с его ног одеяло так усердно, что пятки стукнулись о кровать.

Пока Петер отмечал, что снова из-за этого проснулся, Фифи вспорхнула своей попкой на доску, приколоченную к двум ящикам для осуществления письменного стола. При этом она напевала:

– Nanette, ma belle coquette...

Петер вскарабкался вверх, цепляясь за собственные ноги, и заявил, с тихой радостью снова сворачиваясь в кровати калачиком:

– Те же и Бетховен.

Фифи сочла это сообщение в высшей степени бессодержательным и спросила:

– У тебя есть деньги?

Относительно этого общеупотребительного предмета Петер придерживался того мнения, что вполне достаточно, если деньги есть у других, и сказал:

– Сам воздух звучит, как голубая песня.

Фифи не оценила этой метафоры и потребовала себе на пропитание:

– Но мы же только позавчера опять переспали.

Петер зарделся от удовольствия:

– Но вы не учитываете того, что любите меня.

Фифи моментально всё поняла:

– Ах вы, подлец, вот увидите, вы кончите жизнь на виселице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.